

Предисловие

ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС: ОТ ИСТОРИЗМА К МЕТАИСТОРИЗМУ

Предлагаемая вниманию читателя монография привлекает уже самой публицистичностью постановки задачи исследования. В то время как отечественные практические умы ломают копыта по поводу возможностей и методов исполнения задач, определенных еще в 1995 г. Федеральным законом «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации», и с большим трудом выходят на рубеж среднесрочного прогноза¹, авторский коллектив исследования, руководимый В.М. Бондаренко, ставит перед наукой и практикой парадоксальную задачу: «Прогнозировать отдаленное будущее невозможно, его надо знать!»

В чем парадокс? В том, что нам предлагается выйти из ставшей уже привычной методологической системы прогностической практики, согласно которой прогнозный процесс осуществляется строго по линии «из прошлого — в будущее», причем вариации возможны лишь в системе применяемых научных методов построения модели перспективного развития. Нам предлагается выйти из рамок методологической системы, определяющей историческое движение в конечном счете исключительно сложившимися трендами. Нам предлагается изменить парадигму научного мышления, перейдя от принципа историзма, который и по сей день полагается единственно научным и в материалистической, и в идеалистической системе мышления, к принципу метаисторизма.

Такой подход к проблеме, несомненно, должен вызвать живой научный интерес. Прежде всего потому, что это — реальная

---

¹ Нелишне напомнить: в зарубежной практике среднесрочным считается период до 5 лет, в то время как отечественные среднесрочные прогнозы не переходят рубежа трехлетнего прогнозируемого периода.

попытка раздвинуть границы человеческого знания в одной из конкретных научных сфер. Ведь если бы Аристотель не отвлекся от сложившейся к его времени системы знаний и не погрузился в то, что он назвал метафизикой, т.е. «тем, что после физики» стала бы возможной современная физика или человеческая мысль продолжала бы вращаться только в круге тех проблем, которые предлагает ему видимый человеческим глазом мир?

Для экономиста метаистория — это то, что находится за сегодняшним днем, за пределами эмпирического восприятия. То, что подлежит исследованию, так сказать, по мере поступления.

Книга предлагает встать на иную методологическую почву — исследовать будущее из будущего.

В этой связи необходимо обратиться к основному вопросу, который редко связывается с современной отечественной практикой прогнозирования, но должен быть, на наш взгляд, ее базовой основой — к вопросу телеологии прогностического процесса, его целеполагания.

Можно, конечно, сказать, что это вопрос более философский, чем собственно экономический. Однако экономика, взятая сама по себе, отдельно от философии, и тем более — от философии экзистенциальной, слишком часто вырождается в примитивную схему производства ради производства, которая решительно подавляет социальную составляющую общественного развития и в итоге подрывает социальные основы экономического роста.

Кроме того, телеологическая проблема вытекает из самой сущности прогностического процесса: если под прогнозированием понимать не просто некие эмпирические эксперименты по формированию представлений о будущем на основе фактологических материалов настоящего (что было бы, надо думать, экономико-математическим вариантом эстетики «игры в бисер», в результате которой формируются вариативные прогнозы, о которых к моменту наступления прогнозируемого периода все забывают, поскольку уже построены новые сценарии развития), но попытку субъективного проникновения в объективно существующие закономерности развития экономики *с целью использовать результаты анализа для придания экономическому росту заданного направления*. Если именно так подходить к смыслу прогностического процесса, то основной вопрос переносится

именно в философскую и, если угодно, в политико-экономическую плоскость.

Простейший пример: в чем можно усмотреть слабое звено современных попыток построения среднесрочной модели экономического развития России? Скорее всего, в том, что формируемые в недрах МЭРТ и активно поддерживаемые Минфином среднесрочные прогнозы имеют весьма жесткие идеологические рамки, но не формулируют реальных социально-экономических целей экономического роста. На наш взгляд, подобного рода прогнозы «служат не индикаторами направлений намечаемого, желаемого движения, а объемными измерителями ожидаемого, рассматриваемого уровня продвижения, развития экономики»¹. Строго говоря, эта позиция предполагает, что рост сам определит свои цели и направления там, где это окажется наиболее эффективным для рынка (с позиции теории «рыночного саморегулирования»). К сожалению для нас, ни одна из тех стран, которые ныне относятся к группе развитых, никогда в своей истории не занимала подобной выжидательной позиции — хотя бы потому, что международная конъюнктура не дает для этого никаких возможностей, вытесняя опоздавших конкурентов со всех сегментов мирового рынка.

С этих позиций предлагаемая книга, с одной стороны, демонстрирует своеобразный циклический возврат отечественного научного мышления (на новой стадии его развития) к тем методам анализа, которые еще в 80-х годах XX в.², в период, когда планирование у нас доминировало над прогнозированием, признавались лишь существенной частью подлежащей критике буржуазной экономической науки, а не эффективным способом воздействия на экономические процессы.

С другой стороны, это — несомненный шаг вперед для отечественной прогностики, суть которого заключается в попытке привнести в ее теорию новый качественный уровень. Авторы

---

¹ Параграф 3.4, с. 146.

² Отдадим должное нашим предшественникам: большинство из прогностических методов, подвергнутых всестороннему анализу в настоящем издании, корнями своими уходят в прошлый век и для отечественной литературы не могут считаться принципиально новыми, поскольку вошли в сферу интересов отечественных экономистов уже тогда (см., например, «Рабочую книгу по прогнозированию», изданную еще в 1982 г.).

(особенно в гл. 6 книги) обращают внимание читателя на тот неоспоримый факт, что современный уровень понимания возможностей прогнозирования будущего перешел границу чисто формальных методов футурологической оценки и выходит на новый уровень, базирующийся методологически на использовании качественных методов прогнозирования. С таких позиций прогностический процесс превращается в процесс формулирования цели — некоего нового метаисторического качества, которое может быть достигнуто, и уже потом он становится изучением (обратим внимание — не предсказанием, а именно научным изучением и обоснованием!) возможностей и механизмов достижения этого качества с применением формальных методов прогнозистики.

В этой системе координат прогнозист — уже не подобие аэндорской волшебницы, главное занятие которой — вызывание теней прошлого и предсказание с их помощью будущего¹. Он остается на прочной почве научной методологии изучения процессов, которые могут/должны произойти в прогнозном периоде.

Применительно к современным российским реалиям это означает решительный выход из любого рода догматических конструкций, сформулированы ли они в отечественной литературе или обязаны своим происхождением гарвардской или иной зарубежной почве.

Если мы постепенно начинаем возвращаться в реальность наших дней, отходя самостоятельно или под давлением внешних сил от волшебной мечты времен Адама Смита о «невидимой руке рынка»; если мы собираемся обеспечить выполнение основных конституционных функций государства, нам необходимо не просто время от времени пересматривать наши воззрения на существо государства в обществе, но вернуться к теоретическим азам и определить, наконец, где именно находимся мы и весь остальной мир, что это местоположение означает в социально-экономическом плане и куда, наконец, мы движемся, если движемся вообще. Нужно, в конце концов, назвать все вещи своими именами.

В этой связи отметим, что современная российская экономическая действительность уже в самом начале 90-х годов XX в.

---

¹ 1Цар. 28, 6–19.

совершенно неожиданно, если посмотреть на дело с позиций мировой экономической истории, столкнулась с рядом дилемм:

1) *является ли государство субъектом экономических отношений* в рыночной системе координат, или мы должны признать за ним лишь объектные функции?

2) *следует ли признать за государством обязанность разработки государственной политики* в сфере экономики в целом и в отдельных ее отраслях, или в условиях доминанты капиталистической частной собственности и всепроникающих товарно-денежных отношений эта функция государства становится излишней?

3) если считать государство ответственным за разработку государственной экономической политики, то *должна ли эта политика выполнять некие регулятивные функции*, или же в ее компетенцию должна входить лишь функция фиксации текущих изменений, происходящих под воздействием сил рынка?

4) в том случае, если за государством признается функция выработки регулятивных экономических механизмов, *может ли существовать некая система обстоятельств, когда на государство возлагается обязанность прямого регулирования* хозяйственных процессов, или регулятивная деятельность государства в отношении рыночных процессов должна быть исключительно косвенной?

Отрицательный ответ на первые части перечисленных дилемм означает полное и сознательное самоотстранение государства от базовых общественно-экономических процессов (как это делается во многих современных исследованиях и даже в официальных документах). Тогда, по всей видимости, не останется ничего иного, кроме как прокламировать принципиально новое качество современного государства, понимая его только как политическое образование, безответственное за процессы, которые разворачиваются на занимаемой им территории (если только они не затрагивают внутри- и внешнеполитическую сферу), и *не имеющее никаких специфических социальных обязательств перед народом*¹, кроме обязательств по установлению и поддержанию правопорядка (законодательная и

---

¹ По крайней мере, *de facto – de iure* подобные обязательства вполне могут быть зафиксированы (как благие желания) на самом высоком нормативно-правовом уровне, даже в Конституции.

пруденциально-пенитенциарная функции) и защите внешних границ (еще одна пруденциально-пенитенциарная функция)¹.

Мы воздержимся от описания потенциальных опасностей, которые несет в себе данное восприятие (они достаточно подробно описаны Дж.Оруэллом в его антиутопии «1984»). Заметим лишь, что подобного рода государство, вполне пригодное для периодов абсолютной экономической безмятежности и являющееся абсолютно адекватным объектом для любого рода интеграционных процессов (в том числе и для глобализационного проекта), вряд ли способно успешно функционировать в условиях хотя бы минимальной дисгармонии на внутреннем или на внешних рынках.

Но самое главное — непонятным остается ответ на основной вопрос государственоведения: зачем такое государство нужно большинству его населения, составляющему базу национально-электората, которое не ориентировано на ведение индивидуального бизнеса и в то же время настроено как на эффективный труд (т.е. на эффективное освоение инвестиций, на производство материального ВВП), так и на получение адекватного материального возмещения за этот труд, и на возможность реального распоряжения этим возмещением не только в инвестиционных целях, но и в целях личного потребления?

Таким образом, если мы попытаемся мыслить в рамках теории «эффективного государства», зафиксированной международными организациями еще в документах 1997 г.², мы должны признать: отрицательный ответ на все первые части поименованных дилемм невозможен. Что же касается положительного ответа на них, то здесь возможна некая вариативность.

Субъектность государства в системе экономических отношений. Даже если мы отвлечемся от гипотезы о превалировании

---

¹ Хотя, как полагают здравые экономисты из кейнсианского лагеря, «сама точка зрения, что можно отделить экономику от политики или – в более широком смысле – от общества, иллюстрирует узость взглядов» (*Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. – М., 2003, с. 68).

² Государство в меняющемся мире: Отчет о мировом развитии 1997 / Международный банк реконструкции и развития – Всемирный банк. М., 1997; Государство в меняющемся мире: (Всемирный банк. Отчет о мировом развитии – 1997. Краткое содержание) // Вопросы экономики, 1997, № 7, с. 4–34.

субъект-субъектных характеристик доминирующих составляющих воспроизводственного процесса в информационном обществе, мы должны учитывать, что сама Конституция Российской Федерации (подп. «г» п. 1 ст. 114) одной из функций государства называет управление федеральной собственностью, устанавливая в этой сфере субъектный характер государства как экономического агента. При этом, выступая не только как субъект, но и как объект законодательного регулирования экономических отношений, государство (в лице своих хозяйствующих институтов) встает, в идеале, на равный уровень с иными субъектами хозяйственной деятельности.

Однако реальное положение дел может быть значительно более емким, чем это фиксирует законодательство. Как бы ни сокращались в исторической перспективе объемы государственной собственности, необходимо сохраняются отрасли и производственные объекты, которые, хотя бы в силу своего значения как хозяйственных единиц, обеспечивающих интересы безопасности государства в различных сферах (оборонная промышленность, например), не могут быть полностью приватизированы. Кроме того, история (в особенности история послевоенной Европы) наполнена примерами весьма специфической активности государства как экономического субъекта: национализируя неэффективные отрасли хозяйства, осуществляя их модернизацию за счет средств налогоплательщиков и осуществляя последующую реприватизацию, государство своей деятельностью в качестве прямого участника экономической активности обеспечивает возможности минимизации издержек частного капитала (для примера достаточно вспомнить политику лейбористских и консервативных кабинетов в Великобритании в 50–90-е годы XX в.).

Однако хозяйственная субъектность государства не ограничивается только этими функциями. Государство (в его институциональных проявлениях) является одним из ведущих продуцентов экономической и научно-технической информации (финансируя ее производство на государственных предприятиях или в рамках негосударственных структур), ее накопителей и потребителей. Кроме того, осуществляя инвестиции в инфраструктурный комплекс, государство стимулирует распростране-

ние (включая коммерческое) этой информации. Таким образом, оно не теряет своей организационно-хозяйственной субъектности и в тех сферах, которые выходят за пределы традиционного воспроизводственного процесса. Конституируясь в системе производства и потребления информации в качестве своеобразного *коллективного субъекта*, государство выступает как обладатель определенного набора специфических субъективных качеств (селекция информации, уникальность восприятия, абсорбционная способность и т.д.).

Признавая за государством субъектный характер в экономической сфере, мы должны признать за ним и возможность действовать, исходя из тех же организационно-хозяйственных принципов, что и иные субъекты экономики.

Разработка государственной экономической политики как функция государства. В принципе, серьезный мыслительный процесс в рамках этой темы можно было бы и не начинать вовсе, отослав всех, кто не разделяет данный тезис, к подп. «а», «б», «в» и «г» п. 1 ст. 114 российской Конституции, где в качестве полномочий Правительства России определены разработка и обеспечение реализации того, что, собственно, и составляет содержание государственной экономической политики (федеральный бюджет, включая инвестиционные программы и расходы на расширенное воспроизводство; единая финансовая кредитная и денежная политика; единая государственная политика в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, экологии). При этом *осуществление определенных бюджетных расходов на расширенное воспроизводство* (включая и инвестиционные программы, в том числе в инновационной сфере) *законодатель относит к категории задач и функций государства.*

Таким образом, реальные организационно-хозяйственные функции являются для российского государства конституционным императивом, одним из обоснований того властного мандата, которым его наделил народ — «носитель суверенитета и единственный источник власти в Российской Федерации»¹.

---

¹ Конституция Российской Федерации, ст. 3, п. 1.

И эта ситуация — отнюдь не исторический парадокс или исключительная особенность современной российской переходной эпохи (с учетом накопленного исторического груза). Историческая практика промышленно развитых стран показывает, что использование государственных рычагов (причем не только косвенных, но и прямых) для стимулирования экономического роста является для определенных (прежде всего — переходных) условий хозяйствования более нормой, чем исключением.

Применение диверсифицированного регулятивного инструментария в ряде случаев (в особенности в критические периоды истории, в то время, когда национальная экономика вынуждена отвечать на внутренние или внешние политические или экономические вызовы) оказывается единственным или одним из немногих способов наиболее адекватного выполнения государством его организационно-хозяйственных и даже политических функций.

Вопрос состоит лишь в том, насколько догматически подходят правящие круги той или иной страны к данным функциям, а в конечном счете — в том, что первично для государства: приоритеты хозяйственного развития в интересах населения и экономической безопасности страны или чистота той или иной идеологической конструкции, положенной в основу взглядов государства на проблемы развития, или *насколько идеократической является та или иная государственная система.*

Восприятие государства лишь как организатора экономического пространства, устанавливающего граничные нормативно-правовые рамки функционирования рынка и поддерживающего адекватную правоприменительную практику, в 90-е годы стало базой догматики российского неоллиберализма. Эту тенденцию, ориентированную на тотальное дерегулирование экономики, мы уже отмечали, правда, очень много лет назад, когда никто и думать не мог о том, к каким сокрушительным результатам она приведет к середине 90-х годов.

В то же время сейчас даже наиболее активные лэссеферисты разъясняют, что либерализация и дерегулирование «не суть одно и то же», что регулирование «по-прежнему остается актуальной задачей» и «изменилась лишь его цель» — упор делается

теперь не на распределительную функцию, а на «надежность системы в целом»¹.

История выработала (за исключением, конечно, прямого военного подчинения) по меньшей мере два реальных механизма государственного воздействия на экономические процессы: *нормативно-правовой* (законодательная и нормотворческая деятельность государственной власти всех уровней) и *бюджетный*, куда мы относим косвенное (снижение отчислений в доходы государства через налоговые льготы, изъятия и таможенные тарифы) и прямое (в виде системы прямых и портфельных государственных инвестиций, или опосредованное кредитным механизмом в виде системы государственного кредитования, включая экспортные кредиты с государственной поддержкой) расходование средств, полученных от налогоплательщиков, на общегосударственные нужды, понимаемые в данном случае как цели развития национальной экономики и обеспечения национальной экономической безопасности.

И если, по меньшей мере, от Всемирного потопа и до первой мировой войны оба эти механизма вполне естественно сочетались в деятельности правительств всех стран мира, то с подключением к проблеме экономистов дело приняло иной оборот: вот уже более 70 лет, со времен Великой депрессии, не утихают жестокие научные споры по поводу специальных выгод от применения того или иного механизма, взятого в «чистом» виде. Более того, предпринимаются практические шаги, направленные на почти насильственное внедрение в практику той или иной теоретической модели (типа стабилизационных программ МВФ, в орбиту которых попала и Россия 90-х годов), подчас провоцирующие самые неожиданные хозяйственные результаты².

Однако тенденция к сохранению за государством (через использование регулятивной роли государственных финансов, через разработку приоритетов бюджетного финансирования) *функции выбора основного вектора движения* (в том числе — движения финансовых потоков, не только централизованных,

---

¹ Государство в меняющемся мире. М., 1997, с. 78 (*mutatis mutandis*).

² См. кратко об этом: *Дорнбуш Р., Фишер С.* Макроэкономика. М., 1997, с. 37–39; а также в упоминавшейся выше книге Дж. Стиглица (*passim*).

но и всех финансовых потоков в стране в целях достижения позитивных изменений структуры производства) — далеко не исторический реликт. Более того, эта функция государства используется постоянно даже в наиболее либеральных экономических системах — особенно тогда, когда национальные интересы требуют защиты или повышения конкурентоспособности национального производителя.

В условиях, когда экономические процессы осуществляются в системе капиталистических или даже посткапиталистических товарно-денежных отношений, разумное сочетание определенных границ, которые задаются пропорциями воспроизводственного процесса, сложившимися объективно в процессе функционирования рыночного механизма, и общественного (через институциональные механизмы государственной системы) регулирования развития хозяйства в целом в направлении, отвечающем национальным или интернациональным интересам, является тем *modus vivendi*, который, как показывает история, дает оптимальные результаты.

Необходимость обоснования эффективности использования тех или иных методов государственного регулирования ставит перед государством двуединую задачу: *определить* (в рамках стратегических программ развития) *отраслевые приоритеты*, *создать политические и нормативно-правовые условия* (включая определение налогового режима), которые стимулировали бы приток частных инвестиций в данные отрасли, а также при необходимости *дать импульс этому процессу путем осуществления точечных инвестиций* из средств государственного бюджета либо в сами эти отрасли, либо в отрасли, связанные с ними тесными производственными связями.

Таким образом, программирование экономического развития (на уровне экономики в целом и функциональных, отраслевых программ развития, в частности) и контроль за бюджетной эффективностью выполнения государственных программ развития — задачи, обусловленные не только нормами Конституции, но и смыслом эффективного государства, как его понимает современное международное сообщество.

При этом государство должно быть свободно в своем выборе хотя бы настолько, насколько это позволяют его международные

обязательства, и, отказавшись от любых вариантов презюмирования в сфере экономики¹, совершать этот выбор в интересах национального производителя и национальной экономики.

С точки зрения теории прогностики это означает *принятие обществом* (и государством, как выразителем концентрированных интересов общества) *на себя осознанной ответственности за дальнейшую эволюцию цивилизации* — хотя бы локальной.

Этот вопрос — в философском плане — был поставлен в отечественной литературе несколько лет назад².

Предлагаемая книга — контуры практического ответа на него, разрабатываемые с позиций современной экономической науки.

Д.э.н., проф., чл.-корр. РАН,
заслуженный экономист РФ

В.В.Симонов

---

¹ Любая презумпция — категория историко-идеологическая, а отнюдь не самоценная: она возникает в ограниченные временные периоды и существует ровно столько, сколько позволяют ей идеологические установки конкретного общества в конкретных исторических обстоятельствах. Например, презюмировать невмешательство государства в экономические процессы в период торговой войны — в рынке ли, вне рынка ли — означало бы сознательно ставить свою страну в уязвимое положение.

² *Моисеев Н.Н.* Универсальный эволюционизм // Вопросы философии, 1999, № 3.